

Прощальное очарование

Лес августа,
Хоть целый день броди—
Ни одного пернатого солиста,
Промыли тропку долгие дожди,
Вокруг свежо,
Проветрено и чисто.

Шумят вершины сосен и осин,
Шумят в глуши забытой мироздания,
Чем ближе осень—больше паутин
И ярких, сочных красок увядания.

Брусничный запах тает у болот,
Горят в тени подвески бересклета.
И нежной грустью за сердце берёт
Прощальное очарование лета.

Сын

Кажется, совсем недавно,
Но прошли года с тех пор,
Как мой сын—малыш забавный—
Выходил гулять во двор.

Возвращался я под вечер
И, довольный, замечал:
Не бежал—летел навстречу
Сын и радостно кричал.

И, с улыбкой прижимая
Расторопного мальчика,
Думал, что не будет маю,
Маю светлomu конца.

Незаметно рос сынишка,
Жизнь по книгам постигал
И по-прежнему вприпрыжку
Мне навстречу выбегал.

Но однажды по-иному
Сын встречал на склоне дня,
Он спокойно возле дома
Ожидать решил меня.

Было на душе непросто,
Хоть и всё я понимал:
Не ребёнка, а подростка
На себе я взгляд поймал...

Церковь

Звоня с бугра семью колоколами,
И в день ненастный, и в погожий день
Она владела речкой, и полями,
И избами окрестных деревень.

Владела небом, но пришла эпоха,
Когда хотели ею завладеть,
И падала, и падала со вздохом
Колоколов низвергнутая медь.

И то ли от проклятий,
То ль от сглаза
Старух, глядевших вверх со всех сторон,
Упал с последним колоколом разом
Мужик, что погубил червонный звон.

«Отец, спаси!

Я жить хочу...

Я молод...»—

Он умолял, глотая горечь слёз.
И гнал коня отец в ближайший город,
Но до больницы сына не довёз...

Вспоминается только хорошее

Одуванчиков жёлтые полосы
Вдоль дорог до небес пролегли.
С откровенным
Кукушкиным голосом
Пробуждается нежность земли.

Яркий луг,
Переполненный пчёлами,
Над водою сплетенье ракушек...
Не оттуда ль глазами весёлыми
Из ветвей моё детство глядит?

Дни рассыпались, будто горошины,
И сверкают росой на листьях.
Вспоминается только хорошее,
Задушевное в этих местах.

Вот ещё не затянута тиною
И прозрачна, как память, река.
И гоню я гусей хворостиною
Сквозь весенние дни,
Сквозь века...

Солдатский медальон

Окоп замшелый на краю полянки,
Который сторожит корявый клён,—
В нём пастухи нашли бойца останки,
И каску, и солдатский медальон.

Простая гильза бывшего патрона,
Куда воткнута пуля остриём,
Служила тайником в песчаном схроне
Для весточки из ада в отчий дом.

Гремело здесь и выло не на шутку,
И, поняв, что не выстоять в бою,
Солдат с волнением набросал на скрутке
Свой адрес и фамилию свою.

Не для наград совсем и славы громкой,
А чтоб забытым здесь не умереть,
Боец листок тетрадки школьной скомкал
И для потомков запечатал в медь.

И канул в бездну, словно не бывало
Его на свете.

Много лет прошло.

О нём родня безмерно тосковала,
И горевало вместе с ней село.

Сменялась много раз листва на клёне,
Зарыт окоп пластами прошлых лет.
Почти истлела скрутка в медальоне,
И всё ж остался карандашный след.

По буковке сложили слово «Павел»,
Второе проявилось—«Щербаков».
Он всем живым святую весть оставил,
Что на земле когда-то жил таков,

Что бой неравный принял он героем,
Хотел, чтобы в сибирской стороне
Супруга Лида и детишек трое
Узнали о его последнем дне.

За далёкой речкой

До восхода солнца в поле ни души,
И туманом сизым вся земля объята,
И кукушка плачет в клеверной тиши
За далёкой речкой, в царстве тридевятом.

Там друзья-мальчишки мчат во весь опор
На гнедых и чалых с гиканьем, отвагой.
И отец по росам косит до сих пор...
Только в это царство мне уже—ни шагу.

Между временами во поле стою,
Заросла дорога травами забвенья.
Ох, спасибо, птица, за печаль твою,
Что вернула детство на одно мгновенье.

Сибирская быль

Поезд шёл в метельной круговерти
В незабываемый тридцать третий год.
Уезжал в Сибирь от лютой смерти
В том составе горестный народ.

Прокатались по селеньям слухи,
Что в краю таёжном есть еда.
И, вагоны облепив, как мухи,
Украинцы двинулись туда.

В суете намаившись немало,
На подножке, рядышком с отцом,
Ехала девчонка—моя мама—
С невесёлым худеньким лицом.

И Сибирь—страна могучих кедров,
Что вначале стужей обожгла,—
Встретила гостей по-русски щедро,
Обогреть и накормить смогла.

Всё дала им, чем сама богата:
И приют надёжный, и ночлег,
Дом высокий заменил им хату,
По душе пришёлся пышный снег.

А весной мой дед ходил за плугом,
Радуясь теплу и ветерку...
Незаметно вскоре стал он другом
Крепкому, как дуб, сибиряку.

Сеяли и убирали вместе,
За дровами отправлялись в бор.
Но пришли из Украины вести,
Что сошёл на нет голодомор.

Час настал для грусти и объятий.
И, прощаясь, на волне добра
Деду Мине подарил Кондратий
С музыкой часы из серебра.

За калиной

Тянут гуси над синей равниной,
Таёт первый ледок на пруду.
В лес недалёкий за мёрзлой калиной
На рассвете с корзиной иду.

Может, ягод сорвать не придётся,
Но зато я увижу, как вдруг
Вся калина от птиц отряхнётся,
Как вспорхнёт снегириный испуг.

Не о том пожалею, что пусто
Будет в старой корзине моей,
А о том, что непрошеным хрустом
Потревожил в лесу снегирей...

Хозяин

Росы травы зажгли,
Луг раскинулся краснослободский.
Друг за другом мы шли,
Крепко ноги расставив по-флотски.

Утро, словно с ковша,
Мягкой свежестью сыпало в лица.
Вдруг возникла ужа
Голова над густой медуницей.

Потеплело в груди
От неожиданной чудесной картины.
«Эй, ребята, гляди!
Здесь хозяин живёт луговины!»

Обступили кольцом
Все, кто был в этот час на покосе.
И ужа Федорцов
В безопасное место отбросил.

Тот пополз по росе.
Были рады мы, словно мальчишки,
Солнцу, здешней красе
И короткой такой передышке!

Русская зима

Ах, эта русская зима!
С предупреденным морозным треском,
Метели долгой кутерьма
На вырубках и в перелесках.

По чистоте и белизне,
По дням, снимающим усталость,
По этой снежной целине
Давно душа истосковалась!

Истоки

Какая радость—побывать в краю,
В краю, где жизнь твоя берёт истоки,
Где в каждой вербе чувствуешь родню,
О чём-то давнем шепчутся осоки.

Торопится кукушка куковать:
Осталось мало петь до дня Петрова,
И я спешу. Моя коса готова,
Чтоб с разноцветным лугом воевать.

Он и не знает, что грядёт напасть
На красоту его, цветы и росы.
Пойду косить и клеверную сладсть,
И горечь одуванчиков белёсых.

А после поклонюсь я роднику,
Усы неторопливо отирая,
И буду слушать вечное «ку-ку»,
Что раздаётся над заречным раем.

Сбегу, подобно узнику,
Из плена стен домашних,
Сбегу дорогой узенькой
К своим лесам и пашням.

Спугну сороку-ябеду—
Затишье покачнётся,
Сорву в ложбине ягоду—
Рукою трону солнце.

И всё переиначится,
Что в памяти хранится.
...Пчелой душа наплачется
И напоётся птицей.